

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
факультета политических и социальных наук, Петрозавод-
ский государственный университет
sociolog@psu.karelia.ru

КАК ВОЗМОЖНА ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ?**(Памяти профессора Ю. В. Перова)**

В канун 2009 года ушел из жизни выдающийся представитель отечественной философской науки, блестящий знаток и хранитель творческого наследия классиков мировой философской мысли, исследователь фундаментальных и сложных проблем социальной и историко-философской теории, мыслитель, о которых говорят «философ от бога», – Юрий Валерианович Перов.

Юрий Валерианович любил повторять знаменитое изречение К. Маркса о недостаточности того, чтобы философская мысль обратилась к действительности, о необходимости устремления самой этой действительности к мысли, справедливо отмечая при этом, что «целые эпохи в истории многих народов были оставлены без (философского) внимания на том основании, что они не несли в себе разумно-необходимого содержания и не стали существенными этапами всемирно-исторического процесса» [7: 91]. Соглашаясь с этим тезисом, вполне допуская вместе с Ю. В. Перовым даже такую возможность, что и «наша современная российская действительность нефилософична, недостойна стать предметом философской мысли и для философии истории просто неинтересна», справедливости ради следует признать, что если под современной российской действительностью подразумевать, хотя бы отчасти, и российское философское сообщество нескольких последних десятилетий, то к яркой, новой, глубокой и честной философской мысли, каковой всегда и была

мысль самого Юрия Валериановича, она все же стремилась, и одному из бесспорно самых даровитых философов наших дней не пришлось изведать горькой участи непонятого и непризнанного современниками гения. Профессорское звание, многолетнее, до последних дней жизни, заведование кафедрой истории философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, а в непростые «перестроечные» годы еще и руководство (высокой требовательностью в сочетании с непоказной демократичностью и доброжелательной тактичностью, памятное многим до сих пор) в должности декана работой всего философского факультета тогда еще Ленинградского государственного университета в целом, многочисленные научные регалии – все это было официальной, безусловно, заслуженной, но по существу очень скромной оценкой вклада Ю. В. Перова в развитие отечественной (да и отечественной ли только!) философской науки. Куда более значимым свидетельством восприимчивости философской общественности к теоретическим раз-

работкам Ю. В. Перова было искреннее расположение коллег и то жадное внимание, с которым ловили каждое – и устное, и письменное – слово его многочисленные студенты, аспиранты и докторанты; внимание, порою смешанное с чувством почти мистического трепета перед потрясающей глубиной и силой подлинной, основательной и хорошо продуманной мысли Юрия Валериановича, содержание и аргументированность которой всегда находились на уровне лучших образцов мировой философской классики. Для любого сколько-нибудь знакомого с его произведениями читателя совершенно очевидно, что та действительность, которая в первую очередь привлекала теоретическое внимание самого Юрия Валериановича, была действительностью *общественно-исторической*. Отдельные ее стороны становятся предметом серьезного социально-философского осмысления уже в первой крупной монографии ленинградского философа – «*Художественная жизнь общества как объект социологии искусства*» (1980). Размышлениям об исторической реальности (действительности) классиков мировой философской мысли Юрий Валерианович будет уделять особое внимание в многочисленных статьях, содержащих анализ (не менее, пожалуй, интересный и глубокий, чем работы самих мэтров) их литературно-философского наследия (см., например, [12]). Наконец, кульминацией неугасающего интереса Ю. В. Перова к философско-исторической проблематике станет публикация в различных теоретических сборниках и журналах целого цикла статей (частично сведенных затем в единый сборник «*Историчность и историческая реальность*» (2000)), специально посвященных проблемам онтологического статуса и теоретико-методологических оснований философского осмысления исторической реальности.

Как для одного из ярчайших и, к сожалению, последних представителей уже уходящей из мировой и отечественной философии эпохи «большого стиля», Юрию Валериановичу всегда было принципиально важно выдержать именно философский, «метафизический», ракурс осмысления любого из обсуждаемых им теоретических вопросов. Исходя из традиционного категориального различения эмпирически очевидного, наблюдаемого и измеряемого, доступного для научного анализа «*сущего*» и «из общих принципов» умопостигаемого «*бытия*», профессор Ю. В. Перов видел ключевую задачу философии (метафизики) истории в том, чтобы теоретически строго и доказательно уяснить природу исторической реальности как таковой, обосновать как возможность, так и необходимость самого исторического способа существования человека и человечества вообще. «*Метафизическая проблематика философии истории*» проясняется на пути различения «*исторически сущего*» и «*исторического бытия*». Все, что существует и происходит в истории: исторические обстоятельства и процессы, факты и события, люди и

их поступки, объективации, культурные формы и социальные связи, все возникающее и исчезающее, конечное, преходящее, – это «*историческое сущее*». История же (если она не просто совокупность всего в ней сущего), – это то, в чем это «*историческое сущее*» *есть*, необходимое условие самой возможности всякого (любого) исторического сущего. История должна уже быть, чтобы в ней могло что-то случаться, происходить как «*место*» для всего и для того, чтобы нам жить и действовать», – писал Юрий Валерианович [3; 170], делая вывод об «*историчности*» социальной материи как о фундаментальной характеристике ее бытия.

Обращаясь к этапам становления философско-исторической мысли, Ю. В. Перов справедливо отмечает: «...как платоновско-аристотелевская метафизическая традиция абсолютного универсума с ее иерархией метафизических мест и сущностей, так и новоевропейская метафизика представленности субъектом субстанциального мира были «*неисторичными*» и не содержали имманентных предпосылок для конструирования философии истории, а потому и не могли стать ее метафизическими основаниями. Если исходить из традиционных трактовок «*первой философии*» и «*метафизики*» как наиболее фундаментальной части философской проблематики, имеющей предметом сущее, каково оно само по себе, и бытие такого сущего, то история, напротив, это такое «*сущее*», которое «*само по себе*» с очевидностью не существует» [3; 169].

Новоевропейская философия истории также не выросла органичным образом из общефилософских метафизических оснований эпохи, полагает Юрий Валерианович, и стала возможной при условии и в меру их существенной корректировки посредством перехода просветительской социальной философии XVIII века от прежней «*дихотомии*» «*разумное – неразумное*» к их более слабому противопоставлению по степеням разумности» и построению исторической «*лестницы общественного прогресса как приближения человечества к реализации его природы*», как последовательного процесса исторического самоосуществления его разумной и априорной человеческой сущности (см.: [3; 169–170], [9; 25–26]). Обрела же адекватные «*метафизические*» основания и «*классические*» свои формы философия истории впервые и только у Гегеля, настаивает Ю. В. Перов, уделяя особое внимание в собственных философско-исторических размышлениях теоретическим построениям именно этого выдающегося представителя немецкого классического идеализма (см., например, [10]).

«Современная философская мысль (в том числе и философствование об истории) в существенных отношениях пребывает уже «*вне классики*». Такая венаходимость и позволяет ей выявить метафизические предпосылки чужого мышления и воспринять их как «*исторические*», т. е. как исторически возникшие и исторически преходящие, а не как сами собой разумеющиеся, самоочевидные

и (в этом смысле) “естественные”», — отмечает Ю. В. Перов, делая оговорку, однако, что погрузившемуся в состояние глубокого кризиса постклассическому типу философского дискурса воспользоваться раскрывшимися возможностями в полной мере не удалось [3; 170].

Главным «свидетельством кризиса метафизики и одновременно тоски по ней» становится для Ю. В. Перова нарастающая со второй трети XIX столетия «тенденция к плюрализации бытия (его модусов), а соответственно, и к неизбежному умножению разного рода “онтологий” и “метафизик”, в том числе и к поиску специфической “метафизики (онтологии) истории”» [3; 169], попадающей в общий ряд с «философией культуры», «философией техники», «философией языка», «философией права» и прочими, которые «выглядят ныне чуть ли не “классическими” в сравнении с такими новообразованиями, как “феноменология тела”, “метафизика ландшафта”, “онтология лжи”, число которых умножается на наших глазах» [6; 132].

Ныне же, когда в философских кругах, кажется, уже окончательно возобладало убеждение в невозможности конструирования философии истории как универсальной теории и методологии социального познания, когда «речь идет уже не столько о содержательной неудовлетворительности тех или иных ее вариантов, а о кризисе самой философии истории в целом», именно «прояснение наиболее фундаментальных метафизических предпосылок философии истории (при всей их проблематичности) могло бы содействовать его преодолению», — настаивает Ю. В. Перов [3; 170]. «Есть основания утверждать, — формулирует профессор Ю. В. Перов свое теоретическое кредо, — что в XX веке сформировались *три* идейные конструкции, способные претендовать на статус “метафизических” предпосылок философии истории: идея универсальной историчности, утверждение онтологической самостоятельности истории общества в форме “бытия-как-истории” и постижение истории как самоосмысляющейся, самоинтерпретирующейся реальности» [3; 170], см. также [4; 21].

Процесс утверждения идеи универсальной историчности первоначально осуществлялся усилиями представителей так называемой «философии жизни» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер и некоторые другие), для которых «историчность» оказалась «понятием, аккумулирующим и кристаллизующим временные параметры *процессуально* понятой жизни» [3; 171], см. также [9; 27–30, 39]. В их работах «исторический процесс предстает как основание всего существующего и обретает статус всеобъемлющей реальности и, в этом смысле, Абсолюта, поскольку вне истории, за ней, в ее основе и над ней нет ничего другого, что не было бы историей, не включалось в нее и существовало бы независимо от нее. Если все “исторично”, то только сам исторический процесс в состоянии

играть роль основания, которое все соединяет и на котором и в котором “держится” все существующее. “Историчность” есть метафизическое измерение процессуальности исторической жизни», — заключает Юрий Валерианович [3; 171]. Впрочем, «идея универсальной историчности в ее предельно общей форме в силу размытости и неопределенности своего содержания, всего лишь фиксирующего всеобщность становления применительно ко всему сущему, сама по себе не в состоянии, — отмечает санкт-петербургский философ, — стать онтологическим основанием для конструирования содержательной философии истории общества как особого рода действительности, своеобразной реальности человеческого существования» [3; 171]. Перспектива постичь это своеобразие видится Ю. В. Перову на пути философского переосмысления такого специфического модуса бытия, как «искусственное». «Бытие-как-история» — специфический способ бытия всего искусственного. Процессуальным образом понятая история может быть истолкована как «необратимый временной процесс самовоспроизводства общественной жизни в ее вещных и личных компонентах, как способ существования и саморазвития общественных “объективаций”» [3; 171], см. также [11]. «Искусственная историческая реальность существует и преобразуется благодаря людям, осуществляющим этот процесс, но, обладая независимыми от сознания людей каузальными, структурными, функциональными связями и закономерностями, оказывается как бы существующей “сама по себе”, хотя и иным способом, нежели природа, — полагает Ю. В. Перов. — Вся история, объемлющая, несущая и поддерживающая в себе совокупность объективаций и действующих людей, — это “творение, не имеющее творца”, “квазиприрода” и “квазисубъект” в форме временного процесса и охватывающей реальности; то вместе, где все мы и все искусственное “имеют место”, существуют и преобразуются» [3; 171]. Наконец, завершая свои философско-исторические рассуждения, от «первого метафизического вопроса» относительно исторической реальности (что означает «быть историчным», обладать историческим способом существования, пребывать в истории?) Юрий Валерианович обращается к систематической разработке того вопроса, который для (социальной) метафизики всегда был «последним» и наиболее проблематичным и заключается который (пользуясь цитируемой самим Ю. В. Перовым формулировкой М. Вебера) в том, что «если мир как целое и, в частности, жизнь должны иметь “смысл”, то каковым должен быть этот смысл и как должен выглядеть мир, чтобы соответствовать ему?» [1; 122].

Констатируя изначальную осмысленность, пронизанность значениями и ценностями исторического мира и системы социальных действий человека, Юрий Валерианович замечает, что последний отнюдь «не только мыслью, но своей исторической жизнью в процессе и результатах

практической деятельности, самым своим существованием совместно с другими производит и воспроизводит значения и смыслы в общественно-историческом жизненном процессе» [3; 172], см. также [8]. С учетом того что «механизмы формирования общественных ценностей и норм по существу отличны от механизмов формирования индивидуальных целей» [5; 126], сам «универсальный исторический процесс, внутри которого возникают, пребывают и что-то “значат” ценности и обретаются смыслы, и устраняет, – настаивает автор, – представляющее мышление субъекта (индивидуума) в качестве единственного органа их конструирования и вместилища» [3; 172]. Таким образом, соединение начатой еще И. Кантом, продолженной неокантианцами XX века тенденции к «субъективизации смыслов истории» с идеей «универсальной историчности» и признанием бытийной самостоятельности истории («как бытия искусственного») создает, заключает Ю. В. Перов, необходимые теоретические предпосылки для постижения истории как самоистолковывающейся, самоинтерпретирующейся, пытающейся (посредством сознательно-целесообразной, субъективно-мотивированной человеческой деятельности) постичь свой смысл и реализовать свои объективные цели реальности (см.: [8; 72, 79], [3; 171] и др.).

Будучи, впрочем, как и все подлинно выдающиеся и по-настоящему глубокие исследова-

тели, человеком удивительно интеллигентным и скромным, а как профессиональный знаток мировой философской мысли еще и зная о бесславной исторической кончине многих, порою очень ярких, смелых и величаво прославленных некогда идей, Юрий Валерианович всегда проявлял осторожность в оценке исторических перспектив и собственных теоретических разработок, связанных с анализом основных идейных тенденций мировой философии вообще и философии истории в частности. «Даже если бы в перспективе удалось продумать и достаточно органично соединить названные тенденции, это никак не могло бы гарантировать успеха», – писал он [4; 21]. Соглашаясь с Ю. В. Перовым в этом тезисе, согласимся с ним, однако, и в том, что с еще «большей долей вероятности... игнорирование этих идейных тенденций и нежелание считаться с ними в философских размышлениях будет означать, в лучшем случае, лишь реанимацию давно прошедших и оставленных философских представлений об истории» [4; 21].

Содержательная глубина, основательность и отточенная аргументированность философских произведений Ю. В. Перова еще долгое время, полагаем, будут приковывать внимание и будить мысль благодарного читателя, так же как никогда не изгладится из памяти всех знавших и слышавших его удивительное обаяние самой личности выдающегося мыслителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 123–128.
2. Перов Ю. В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 188 с.
3. Перов Ю. В. Современная «метафизическая ситуация» в философии истории // Человек – Философия – Гуманизм: Материалы Первого Российского философского конгресса. Т. 4. СПб., 1997. С. 169–172.
4. Перов Ю. В. Жизнь в истории и мысль об истории // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 5–21.
5. Перов Ю. В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 117–131.
6. Перов Ю. В. Проблема философского статуса социальной философии // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 132–144.
7. Перов Ю. В. «Русская Идея» и «либеральный проект для всего мира» // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 91–116.
8. Перов Ю. В. Смысл Истории // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 60–79.
9. Перов Ю. В. Универсальная историчность // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 22–43.
10. Перов Ю. В., Сергеев К. А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности // Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 5–61.
11. Перов Ю. В., Сергеев К. А. Бытие-как-история // Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 44–59.
12. Перов Ю. В., Сергеев К. А., Слинин Я. А. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб.: Наука, 2000. 672 с.